

Ruscystyczne Studia Literaturoznawcze nr 29 (2019)

ISSN 2353-9674

DOI <https://doi.org/10.31261/RSL.2019.29.02>**Марина Викторовна Загидуллина**

Челябинский государственный университет

ORCID <https://orcid.org/0000-0002-4799-1230>

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ТЕЗИСА «У НАС НЕТ ЛИТЕРАТУРЫ»

THE HISTORICAL CONTEXT OF THE THESIS “WE HAVE NO LITERATURE”

The article is devoted to modern reconfigurations of the literary process and literature (as a kind of art), experienced in literary criticism as the decline of literature (the thesis “we have no literature” as a statement of the degradation of an art form). The article provides an overview of reflection on this process on Russian “thick journals” (with the emphasis on the position of the well-known Russian critic Anna Kuznetsova), as well as the author’s view on the general transitional state of Russian modern literature.

Keywords: literary criticism, institutional change, commercialization of literature, literary process.

KONTEKST HISTORYCZNY TEZY „U NAS NIE MA LITERATURY”

Niniejszy artykuł poświęcono współczesnym przeobrażeniom procesu literackiego i samej literatury, odbieranych przez krytykę literacką w kategoriach schyłku literatury (teza „u nas nie ma literatury” jako przeświadczenie o upadku tej dziedziny sztuki). Artykuł przedstawia wybrane refleksje na temat omawianego procesu, prezentowane na łamach tzw. tołstych żurnalów (ze szczególnym uwzględnieniem stanowiska znanej rosyjskiej krytyczki Anny Kuzniecovej), oraz pogląd autorki pracy na ogólny, przejściowy stan rosyjskiej literatury współczesnej.

Słowa kluczowe: krytyka literacka, zmiana instytucjonalna, komercjalizacja literatury, proces literacki.

ВВЕДЕНИЕ

Само выражение «у нас нет литературы», рассмотренное в историческом аспекте, указывает на достаточно значимый в развитии литературной критики феномен: объективацию словесности как особого материального явления, имеющего свои параметры и — главное — границы, вполне укладывающегося в характеристики видимого и ощущаемого мира. Принципиальным здесь следует признать три фактора: 1. литературная критика работает как самосознание литературы наряду с метафигуральностью (включением в сами художественные произведения темы писательского творчества); 2. сутью литературно-критической деятельности следует признать работу по повышению значимости литературы как социально-общественного феномена (то есть критике подвергаются любые отклонения от миссии, которая может пониматься и как служение обществу, и как служение искусству; в обоих случаях критика исходит из эйдоса литературы, ее имманентной природы — быть вербальной летописью эволюции человеческого в человечестве); 3. литературная критика в России исторически (традиционно) создавалась в рамках тезиса «у нас нет литературы» (провозглашая этот тезис, соглашаясь с ним или отвергая его). Цель настоящей статьи — показать преемственность этой концепции от критики 40-х годов XIX века к современности и интерпретировать критическую позицию «у нас нет литературы» в институционально-социальной парадигме (литература рассматривается в статье как социальный институт, чутко реагирующий на угрозы собственного исчезновения).

ВИССАРИОН БЕЛИНСКИЙ — ЗАДОРНО И ОПТИМИСТИЧНО

Белинский в статье *Литературные мечтания* предлагает три толкования самого понятия литература: во-первых, это вся совокупность текстов, в том числе и научных, исторических и т. п. (можно сказать, Белинский дает здесь определе-

ние письма, активно развиваемое полтора столетия спустя Жаком Деррида и другими представителями французского деконструктивизма); во-вторых, это эстетически прекрасные упражнения в словесном искусстве (и это близко к тому, как понимали литературу представители русской формальной школы); в-третьих, это артистический порыв, направленный на запечатление духа того народа, на языке которого создано произведение словесности:

[...] литературой называется собрание такого рода художественно-словесных произведений, которые суть плод свободного вдохновения и дружных (хотя и безусловных) усилий людей, созданных для искусства, дышащих для одного его и уничтожающихся вне его, вполне выражающих и воспроизводящих в своих изящных созданиях дух того народа, среди которого они рождены и воспитаны, жизнь которого они живут и духом которого дышат, выражающих в своих творческих произведениях его внутреннюю жизнь до сокровеннейших глубин и биений¹.

Анализируя развитие русской литературы, Белинский приходит к выводу, что русское общество стоит накануне появления «своей литературы», когда новые поколения русских писателей (одновременно европейски просвещенных и прочно укорененных в традиционной русской духовности — или «духе народа», являющиеся его выразителями) скажут новое громкое слово в искусстве художественного «письма». Фактически тезис «у нас нет литературы» расшифровывался в «Литературных мечтаниях» как прогноз: «у нас *пока* нет литературы, но ее появление неизбежно».

Важнейший вывод из этих ожиданий Белинского можно сделать при сопоставлении его позиции с реакцией критики 2000-х годов на изменившуюся литературную ситуацию. Почему мы делаем такой немалый скачок во времени? Потому что тезис «у нас нет литературы» зазвучал с новой силой именно тогда. Такой «критики критического состояния» литературы не было ни в советское время (где было простое объясне-

¹ В.Г. Белинский, *Литературные мечтания* // того же, *Собрание сочинений: в 9 т.*, т. 1, Художественная литература, Москва 1976, с. 51.

ние любых «застойных» явлений в литературе «режимом»), ни в 90-е годы, когда социальная турбулентность не позволяла разглядеть проблемы литературного процесса и они осмыслились именно в рамках «деконструкции» всего советского, высвобождения из-под ига «социалистического реализма». Так вот, при сопоставлении статьи Белинского 1834 года в газете «Молва» и интернет-изданий XXI века, посвященных литературе и запечатлевших все тот же тезис «у нас нет литературы», мы получаем прекрасную смысловую «раму», дающую нам возможность оценить степень сдвига как в самом «литературном цехе» (то есть процессе создания и культурного оборота произведений словесности), так и в литературной критике, стремящейся этот процесс осмыслить и вынести ему если не приговор, то оценку.

АННА КУЗНЕЦОВА И ДРУГИЕ — ГОРЬКО И БЕЗНАДЕЖНО

Анна Кузнецова, яркий литературный критик, приняла решение покинуть и критику, и литературу. Само это решение (выразившееся в уходе из журнала «Знамя», где Кузнецова вела рубрику «Ни дня без книги» в течение более чем десяти лет), выглядит как особый жест самоликвидации: 8 июля 2017 года корреспондентам Анны Кузнецовой (в том числе и автору настоящей статьи) пришло письмо, которое имело характер публичного заявления (и поэтому может быть приведено в статье полностью):

Коллеги, поздравляю всех с холодным летом 2017. Хочу уведомить, что с 1 июля я больше не работаю в «Знамени» — уволилась. Как раз в мой последний рабочий день вышло интервью со мной в одном хорошем журнале, отчасти объясняющее и сие обстоятельство, и общее положение дел в мире литературы: Желаю вам всего самого-самого доброго и очень надеюсь, что у вас еще есть масса творческих планов, помогающих жить. Желаю вам всем возможности не зависеть от сложившегося контекста².

² Личный электронный архив автора статьи.

Письмо Анны Кузнецовой представляет собой отдельный художественный интерес. Рифма с «холодным летом 1953-го», увязка ухода из «Знамени» исключительно с состоянием литературы, указание на жизнотворческий характер личного решения и «свернутый» тезис о «контексте» — который сводится к все тому же «у нас нет литературы», — все это проясняется в статье, опубликованной в номере 129 сетевого журнала «Литература». Здесь мы обнаруживаем ту же логику, что и в *Литературных мечтаниях* Белинского (но с противоположной эмоционально-оценочной нагрузкой): определение критики (как у Белинского — определение литературы), установление ключевых черт современного литературного процесса как условий, замораживающих собственно суть литературного творчества (у Белинского — констатация «недотягивания» литературы до ее исторической задачи), аналитический пессимизм (а в статье Белинского наоборот — ожидание неизбежного расцвета литературы).

По мнению Анны Кузнецовой, «критика как занятие — это высокоорганизованная жизнедеятельность, построенная на природной способности воспринимать вторичное (текст) как первичное (жизнь)»; «критика как явление — это культурное поле, создаваемое множеством свободно высказываемых мнений»; «критика как инструмент литературного процесса — это полилог субъективных истин, в стремлении к объективности обретающих аргументацию»³. Поясняя мысль критика, заметим, что «восприятие вторичного (текста) как первичного (жизни)» есть важнейшее определение творческой природы литературной критики, которая никак не может быть «экспертизой» (Кузнецова далее в интервью отмечает, что «любая ‘экспертиза’ в вопросах литературы — всего лишь скрытая реклама»⁴). Станислав Шакиров, посвятивший теме транс-

³ Анна Кузнецова: «Развитие литературы вошло в стадию застоя» [беседу вел Владимир Коркунов] // «Литература» 2017, № 129, http://litteratura.org/issue_publicism/2340-anna-kuznecova-razvitie-literatury-voshlo-v-stadiyu-zastoya.html (12.03.2019).

⁴ Там же.

формации критики в экспертизу статью⁵, разворачивает ту же мысль подробно: он отмечает, что основы литературной критики истончились и фактически сведены к нулю, а различные формы «экспертизы» ведут литературу в принципиально новые условия существования. Наталья Иванова, на которую ссылается Шакиров в конце своей статьи, отмечает как особенную черту «корпоративизма» в литературном процессе «коррупцию дружбы», когда высокие оценки даются не безупречным произведениям, а просто близким, милым или даже просто «нужным» критику людям⁶.

В интервью Анна Кузнецова называет этапными статьи 2008 года («С тех пор писать статьи мне не о чем — развитие литературы вошло в стадию застоя. Все, о чем я написала в 2008 году, вошло в силу, устоялось и подмяло под себя живые явления. Сражаться с этим бесполезно, констатировать неинтересно»⁷): *Пир и хор: поколение «ноль»*⁸ и *Три взгляда на русскую литературу из 2008 года*⁹. Если первая статья отражает сомнения критика в существовании «нового поколения поэтов» (а главный поэтический прием этой «новой поэзии» она называет «вялым верлибром»), то во второй разворачиваются и обретают характер «приговора» основные положения ее статьи 2006 года с красноречивым заглавием *Кому принадлежит искусство, или Революция менеджеров в литературе*¹⁰:

⁵ С.М. Шакиров, *Проблема экспертной оценки в современной литературной критике* // «Медиасреда» 2011, № 6, с. 11–16.

⁶ Н.В. Иванова, *Корпорация дистанция, коррупция* // «ЛитСнаб.ру — Литература+» от 8 апреля 2011, <http://www.litsnab.ru/literature/4448> (12.03.2019).

⁷ Анна Кузнецова: «Развитие литературы вошло в стадию застоя»...

⁸ А.А. Кузнецова, *Пир и хор: поколение «ноль»* // «Арион» 2008, № 1, с. 15–25.

⁹ Той же, *Три взгляда на русскую литературу из 2008 года* // «Знамя» 2008, № 3, с. 169–180, <http://magazines.russ.ru/znamia/2008/3/ku15.html> (12.03.2019).

¹⁰ Той же, *Кому принадлежит искусство, или Революция менеджеров в литературе* // «Знамя» 2006, № 3, с. 170–181.

[...] русская литература сегодня — это изготовление и продажа книг на русском языке. Писатель здесь — в одном ряду с издателем и продавцом, поскольку он давно не интеллигент и не властитель душ, а просто специалист, знакомый с технологиями изготовления текста¹¹.

Отметим и точку зрения Инны Булкиной (и тоже в 2008 году): она полагает, что пестрая картина «разной критики» есть не что иное, как отражение одного типа критики — отстающей от читателя, который вскоре устремится за литературой на разных языках и оставит позади «окормляемых» Литературным институтом «молодых писателей» и под статью им критиков¹².

Владимир Захаров тоже обращается к тезису «у нас нет литературы»:

Сейчас не то: литература пребывает в жестоком кризисе. В прошлом мировая, современная литература провинциальна: о мировом признании и влиянии на мировой литературный процесс можно лишь мечтать. Есть книги, но нет литературы. Есть писатели, но от большинства из них отвернулись читатели. Кризис литературы — кризис идей и идеала. Великой делает литературу великий идеал... У нас нет литературы, как понимали ее Киреевский, Пушкин, Белинский, Достоевский, Толстой, какой она стала в 1820–1890-х годах. Недавно смертью А.И. Солженицына (2008) и В.Г. Распутина (2015) завершилась классическая традиция русской литературы. Что будет? Станет ли постсоветская литература русской? Куда приведет авторов постмодернизм? Что, кроме повторения известного, предложат современные писатели, серьезно относящиеся к ремеслу? Где открытия? Где эти дерзновенные писатели? Где словесность?¹³

Важно, что даже десятилетие спустя после провозглашения нового старого лозунга «у нас нет литературы» он остается актуальным (и значит, прошло десятилетие ожиданий и надежд).

¹¹ Той же, *Три взгляда на русскую литературу...*

¹² И.С. Булкина, *У нас нет литературной реальности* // «Знамя» 2008, № 7, <http://znamlit.ru/publication.php?id=3641> (12.03.2019).

¹³ В.Н. Захаров, *Есть ли у нас литература? Концепты «литература» и «словесность» в русской критике* // «Проблемы исторической поэтики» 2016, № 14, с. 12.

Нет сомнений, что — какой бы яркой ни была критика специалистов, глубоко понимающих особенности современного литературного процесса, — полемика вокруг общественно значимых вопросов развития литературного процесса осталась «незамеченной широкими кругами общественности», а единственным внятным следствием стал, например, уход Анны Кузнецовой из «Знамени» (именно по этой причине — ощущению ненужности собственной критической деятельности — в силу угасания самого материала, художественной литературы, которая на глазах всех превратилась в «борьбу менеджеров за рынок»). Такие следствия могут быть резонансны в нешироких кругах элитарно ориентированных публик, но изменить ситуацию они не могут (для Анны Кузнецовой уход — это не демонстрация чего бы там ни было, а личное и честное решение).

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КРИТИКА СЧИТАЕТ СЕБЯ НЕНУЖНОЙ

Мы можем уловить важную закономерность: критика чувствует свою ненужность, поскольку ставит своей задачей усматривать и интерпретировать и для писателей, и для читателей такие аспекты литературных произведений, в которых отражается, по словам Кузнецовой, «существование» человека с «нерешаемыми вопросами» (несомненно, это парафраз «проклятых вопросов бытия»). Между тем оказывается, что такая литература не находит своего читателя — а возможно, и своего издателя; в информационном потоке оказываются указания на «коммерчески значимые» книги, глубинные свойства которых никого особо не занимают. Повторять одно и то же — что стоящей и настоящей литературы больше нет, что перед нами симулякры и подделки, натужные попытки «игры в слова» и прочие эксперименты, «обличать» которые, по крайней мере, не интересно. И вот — критик заменяется «экспертом», который быстро и «на заказ» пишет критические заметки в «водевильном» жанре. Не критик «заказан», а ли-

тература такова: она создается в прямом расчете на конъюнктуру то редакционной политики толстого журнала (о такой политике говорит Анна Кузнецова в статье *Пир и хор: поkolение «ноль»*), то условий получения литературной премии, то требований издателя, стремящегося к прибыльному сбыту книг. Но любой рационализм ведет в литературе к имитациям — а следовательно, к простому воспроизводству реплик, «заточенных» под коммерческие механизмы. Значит, у нас нет литературы. И значит, профессиональная критика — в ее традиционном статусе — упраздняется.

В ответ на оптимизм Белинского (у нас *пока еще* нет литературы) слышится из XXI века: у нас *больше* нет литературы.

И ВСЕ ЖЕ, ЧТО ТАКОЕ СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА?

Если посмотреть на ситуацию, общие черты которой воссозданы в полемике вокруг тезиса «у нас нет литературы» в начале XXI века, то можно отчетливо видеть «полевой» принцип Пьера Бурдьё: критики рассматривают литературу как обособленное поле, которое, взаимодействуя с коммерческим, политическим, массмедийным полями испытывает деформирующее и обессилевающее давление на литературный процесс. Однако в ответ на подход Бурдьё можно предложить метод Бруно Латура: любая сеть может быть охарактеризована как совокупность действий акторов, меняющих конфигурацию сети. Метод насыщенного описания Латура как нельзя лучше подходит для характеристики литературного процесса: если не держаться за традиционный подход, то мы обнаружим в принципе иную литературную ситуацию, чем в любой иной предшествующий период.

Во-первых, литература децентрализована в пространстве культуры¹⁴. И если критик исходит из убеждения, что литература должна ставить и решать важные («проклятые») во-

¹⁴ P. Hajdu, *Status of literature in the age of global risks* // «Primerjalna književnost» 2009, № 32 (2), с. 159–169.

просы бытия, то он оказывается в плену прежней парадигмы, когда литература (и — шире — Логос) и была определяющим (смысловыявляющим и смыслохранящим) архивом культуры, в определенном смысле — квинтэссенцией культурного развития, упакованной в формы художественной словесности, в образы героев и сюжеты романов, в эмоциональные коды поэзии и драматические повороты пьес. Но этот период развития культуры завершен. На смену искусству словесности пришли десятки других культурных практик, претендующих на тот же уровень внимания общества к их результатам. Эти новые формы могут быть связаны с литературным процессом (хотя и весьма косвенно — как, например, рэп), а могут лежать и в иной плоскости (как, например видеоблогинг и новые формы визуальной публицистики). Смысловыявление перемещается в жизнестроительные практики (такова деятельность сообществ, основанных, например, на родоверии или интересе к средневековью, «ролевиков» или веганов и т.п.). Смысловыявление перестало нуждаться в чтении как единственном способе постижения ответов на «проклятые вопросы», а роман в духе викторианского трехтомника-«трехпалубника» успешно заменили сериалы — долгие визуальные повествования, оформленные по общим законам большого романа. И в этой области новых форм культуры литературный процесс множественно разветвился: каждая «ветвь» стала развиваться в контексте своей, только ей, этой «ветви», присущей публике, и каждая такая «ветвь» занимает маргинальную позицию по отношению к пустующему центру, при этом бывшая элитарная художественная литература, традиционно претендовавшая на место в центре не только литературного процесса, но и культуры вообще, — не более чем равноправная «ветвь» многоярусного литературного «древа».

Во-вторых, множественные публики перестали быть публиками «читательскими», они стали публиками «писательскими». Раньше это явление (читатель–писатель) ярко наблюдалось в развитии региональной поэзии (всевозможных «литобъединений», на встречах которых все участники — по-

эты и слушатели (читатели) одновременно). Однако в настоящее время расцвета интернет-коммуникации в литературном процессе возникает такой феномен, как просьюмеризм — созидание в процессе потребления, стертость границы между получением информации и ее производством (термин обоснован в *Третьей волне* Элвина Тоффлера в 1970-х годах¹⁵), что особенно ярко проявляется в развитии фандомов¹⁶. Важно, что литературный процесс (развитие искусства словесности) в таких сообществах институционализируется на уровне субкультуры, обретает свои строгие правила и строится по вертикали, утверждаясь как иерархия. Здесь нет места копированию образцов элитарной части «старого» литературного процесса; мир фандома «размечен» в соответствии с технологиями платформ, а не библиотечно-журнально-книжных пространств. Несомненно, этот мир не оказывается в поле зрения литературной критики (не считающей его достойным внимания) — как в свое время «не замечали» друг друга литература элитарного и тяготеющего к нему полуинтеллигентского (термин Джеффри Брука) кругов, с одной стороны, и литература Никольской улицы (лубок и подобные издания), с другой.

В-третьих, собственно литературный вкус и литературные предпочтения теряют свои строгие границы, растворяясь в общекультурном поле, где разделение на виды и типы искусств больше не так значимо. Мультиmodalность как основа интернет-коммуникации порождает гибридные формы, в которых искусство словесности — лишь один из равноправных элементов. Так, происходит беспрецедентный захват культурного поля средневековой эстетики — от субкультуры готов,

¹⁵ Э. Тоффлер, *Третья волна*, пер. Л.М. Бурмистрова и др., АСТ, Москва 2010.

¹⁶ См., например, фандом книги Мариам Петросян *Дом, в котором...*: http://ru.domv.wikia.com/wiki/Дом_глазами_поклонников (12.03.2019). Здесь литературное произведение становится текстом-стимулом для создания собственных произведений, рисунков, стихотворений. Это иная система смысловывявления и смыслопорждения, чем закрепились в период централизованного позиционирования литературы в общественной жизни.

страстей по вампирам, господства тематических татуировок до *Властелина колец*, *Гарри Поттера*, *Игры престолов* — огромным вымышленным странам-государствам, которые пришли на смену *Божественной комедии* Данте Алигьери и *Человеческой комедии* Оноре де Бальзака. Через осторожный десант магического реализма в культуру входит фэнтези, и литература — лишь частица этой общей экспансии, одна из захваченных территорий. Музыкальные композиции, перформансы, интервенция циркового искусства в драматургию — все это примеры глубоких трансформаций, в которых литература не в состоянии оставаться прежней. И, следовательно, не позиции критиков оказываются неадекватны развитию литературы, но она сама перерождается в иную субстанцию, а эффект трансмедиальности ведет искусство словесности к метаморфозам, для которых еще предстоит найти определенный критический дискурс.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тезис «у нас нет литературы», рассмотренный в этой статье не только в исторической ретроспективе, но и в перспективе становящейся (новой, неформальной и нецентрализованной) институциональности искусства словесности, позволяет видеть глубокие сдвиги не только в текущем моменте литературного процесса, но и в сути самого искусства словесности, которое меняет свой облик. Возвращаясь к Белинскому, мы можем отметить, что самым важным для установления границ и задач критики он считал собственно определение литературы — что именно критик хочет и должен интерпретировать в литературном произведении, какие смыслы извлекать (или констатировать их отсутствие). И в демарше критиков, провозглашающих «смерть русской литературы», можно усматривать симптом редукции традиционного литературного процесса, его перерождения в иные формы, требующие новых определений. Единая национальная литература на русском

языке состоялась как законченный во времени и пространстве феномен; пришло время расподобления и голограммы, когда общее не может быть сложено по принципу пирамиды (вертикали), как это было раньше (элитарное — миддл-литература — массовое). Задача критики становится все сложнее, поскольку сама навигация в мире становящейся новой словесности — трансмедиальной, мультимодальной, вымещающей собственно само слово на периферию литературных техник — требует особого подхода ко все более уплотняющемуся культурному полю.

REFERENCES

- “Anna Kuznetsova: ‘Razvitiye literatury voshlo v stadiyu zastoya.’” Interview by Vladimir Korkunov . *Literratura*, no. 129, 2017, http://litteratura.org/issue_publicism/2340-anna-kuznecova-razvitiye-literatury-voshlo-v-stadiyu-zastoya.html. Accessed 12 March 2019 [“Анна Кузнецова: ‘Развитие литературы вошло в стадию застоя.’” Беседу вел Владимир Коркунов. *Литература*, № 129, 2017, http://litteratura.org/issue_publicism/2340-anna-kuznecova-razvitiye-literatury-voshlo-v-stadiyu-zastoya.html. Дата обращения: 12 марта 2019].
- Belinskiy, Vissarion G. “Literaturnyye mechtaniya.” *Sobraniye sochineniy: v 9 t.* Т. 1. Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1976 [Белинский, Виссарион Г. “Литературные мечтания.” *Собрание сочинений: в 9 т.* Т. 1. Москва: Художественная литература, 1976].
- Bulkina, Inna S. “U nas net literaturnoy real’nosti.” *Znaniya*, no. 7, 2008, <http://znamlit.ru/publication.php?id=3641>. Accessed 12 March 2019 [Булкина, Инна С. “У нас нет литературной реальности.” *Знания*, № 7, 2008, <http://znamlit.ru/publication.php?id=3641>. Дата обращения: 12 March 2019].
- Hajdu, Péter. “Status of literature in the age of global risks.” *Primerjalna književnost*, no. 32 (2), 2009].
- Ivanova, Natal’ya V. “Korporatsiya, distantsiya, korruptsiya.” *ЛитСнаб.ru — Литература+*, 8 April 2011, <http://www.litsnab.ru/literature/4448>. Accessed 12 March 2019 [Иванова, Наталья В. “Корпорация, дистанция, коррупция.” *ЛитСнаб.ru — Литература+*, 8 апреля 2011, <http://www.litsnab.ru/literature/4448>. Дата обращения: 12 March 2019].
- Kuznetsova, Anna A. “Komu prinadlezhit iskusstvo, ili Revolyutsiya menedzherov v literature.” *Znaniya*, no. 3, 2006 [Кузнецова, Анна А. “Кому принадлежит искусство, или Революция менеджеров в литературе.” *Знания*, № 3, 2006].
- Kuznetsova, Anna A. “Pir i khor: pokoleniye ‘nol.’” *Arion*, no. 1, 2008 [Кузнецова, Анна А. “Пир и хор: поколение ‘ноль.’” *Арион*, № 1, 2008].

- Kuznetsova, Anna A. "Tri vzglyada na russkuyu literaturu iz 2008 goda." *Znamya*, № 3, 2008 [Кузнецова, Анна А. "Три взгляда на русскую литературу из 2008 года." *Знамя*, № 3, 2008].
- Shakirov, Stanislav M. "Problema ekspertnoy otsenki v sovremennoy literaturnoy kritike." *Mediasreda*, no. 6, 2011 [Шакиров, Станислав М. "Проблема экспертной оценки в современной литературной критике." *Медиасреда*, № 6, 2011].
- Toffler, Elvin. *Tret'ya volna*. Transl. Burmistrova, Lyudmila M., et al. Moskva: AST [Тоффлер, Элвин. *Третья волна*. Пер. Бурмистрова, Людмила М. и др. Москва: АСТ, 2010].
- Zakharov, Vladimir N. "Yest' li u nas literatura? Kontsepty 'literatura' i 'slovesnost' v russkoy kritike." *Problemy istoricheskoy poetiki*, no. 14, 2016 [Захаров, Владимир Н. "Есть ли у нас литература? Концепты 'литература' и 'словесность' в русской критике." *Проблемы исторической поэтики*, № 14, 2016].